

СЕКРЕТЫ
ведьминой
кофейни

ВЕДЬМИН КАПУЧИННО
И
ТАЙНА
НАСЛЕДСТВА

ЕЛЕНА
МИХАЛЁВА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн обложки *А. Андреева*

Иллюстрация на переплете *Caramel Witch*

Михалёва, Елена Алексеевна.

М69 Ведьмин капучино и тайна наследства / Елена Михалёва. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-238220-8

Добро пожаловать в кофейню «Мур-мур»!

Девятнадцатилетняя Дана не планировала менять свою жизнь: учёба, планы на будущее и никаких чудес. Но неожиданное наследство от эксцентричной тёти — доля в кофейне на Старом Арбате — переворачивает всё с ног на голову. Вместе с ключами от уютного заведения она получает колдовской дар и доступ в мир, о существовании которого раньше не подозревала.

Кондитерская «Мур-мур» оказывается прикрытием для тайного общества, оберегающего мифических существ, а смерть тёти — лишь первое звено в цепочке странных событий. Дане предстоит разобраться, кому из новых знакомых можно доверять, кто играет по своим правилам и почему прошлое её семьи хранит больше секретов, чем кажется.

Иногда одна чашка капучино может изменить судьбу. Особенно если в ней — щепотка магии, вампирское очарование и ведьмины тайны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-238220-8

© Михалёва Е.А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

Звонок раздался в тот самый момент, когда Дана уже переступала порог съёмной квартиры с полной конспектов сумкой, трясущимися руками и дикой уверенностью, что сегодня её жизнь точно пойдёт под откос.

Она уже отчётливо представляла, как услышит от преподавателя роковую фразу: «Приходите на передачу». Мысленно Дана даже прорепетировала, что будет говорить родителям, чтобы не расплакаться. Но судьба, как обычно, подкинула вариант для беспокойств поинтереснее.

Экзамен по ненавистой макроэкономике отошёл на второй план, когда на экране телефона высветилось имя, при виде которого у Даны ёкнуло сердце: «Тётя Предслава».

Старшая сестра отца, с которой они виделись раз в полгода, на что имелась уйма причин. Тётя не звонила ей просто так никогда.

Дана закрыла плечом входную дверь, вставила одной рукой ключ в замок, а другой нажала на зелёный кружок на телефоне.

— Доброе утро. — Она выронила ключи. Связка со звоном полетела к ногам, а когда Дана наклонилась за ними, то случайно задела носком кроссовка и оттолкнула к краю лестницы. — Ты сегодня что-то рано не спишь.

Она поймала ключи, не позволив им улететь дальше, и возвратилась к двери, чтобы запереть её.

Ответом в трубке было хриловатое покашливание.

— Тётя Предслава? — Дана выпрямилась и замерла, прислушиваясь к звукам на другом конце линии.

— Приезжай, племяшка, — знакомый осипший голос с лёгкой насмешкой зазвучал в трубке. — А то помру, потом не обижайся, что не предупредила.

Тётя прервала звонок.

— Алло? — Дана непонимающе уставилась на экран.

Она перезвонила дважды, но Предслава не ответила. Тётка вообще отличалась эксцентричным поведением, но подобного ребячества не позволяла себе никогда.

У Даны дёрнулся глаз.

Что это? Шутка? Угроза? Или тётя просто забыла, что у людей могут быть дела поважнее внезапных старческих прихотей?

Дана снова посмотрела на экран смартфона, чтобы узнать время. До экзамена оставалось два с половиной часа. Она хотела приехать пораньше, немного позубрить в уголке, а если очень повезёт, то спрятать в аудитории шпаргалки. Но можно было успеть и заскочить к тётке, если поторопиться. Иначе правда оскорбится, у них в семье и без того не-

простые отношения. Да и тётин голос ей совсем не понравился.

Поборов желание захныкать от досады, Дана наконец победила заедающий замок, перехватила холщовую сумку поудобнее и заспешила к метро.

Тётя жила в старом районе Москвы на Басманной. В последний раз они виделись зимой, когда Предслава накормила её пирожками с вишней, а потом внезапно спросила: «Ну, Богданка, уже поняла, что зря учишься на эту свою экономику?» — и засмеялась так, будто знала о ней что-то такое, чего не знала сама Дана. И ей бы ответить нормально. Признаться, что свой космически-престижный вуз не переносит на дух. А потом спросить, что у Предславы на уме, но Дана обиделась. Потому что терпеть не могла ни своё полное имя Богдана, ни тем более когда тёте взбрело в голову делать из него Богданку, Богданушку или Богдашу. Неудивительно, что отец свою старшую сестру на дух не переносил.

Колёса мерно стучали. Новенький поезд мчался сквозь темноту тоннеля. Июнь в этом году выдался жаркий, но кондиционер со своей задачей справлялся прекрасно. Дана сидела у выхода из вагона, чтоб покинуть его на нужной станции сразу, как только тот остановится, и размышляла.

Они с тётей Предславой созванивались раз или два в месяц, чтобы поздравить друг друга с очередным праздником или спросить, не нужно ли чего. Временами Дана просто ощущала тревогу (совсем как сегодня) и ловила себя на том, что набирает тёткин номер. Предслава жила одна с котом в просторной двушке. Случись что, кроме соседей и помочь некому, а ведь ей уже семьдесят. Подобные размыш-

ления вызывали неуютное чувство вины. Стоило уделять тётке больше внимания, несмотря на все запреты отца. В конце концов, он в Иркутске и никак об этом не узнал бы.

Едва поезд замедлил ход, приближаясь к станции, Дана вскочила с места. Прежде чем двери разъехались в стороны, она мельком увидела в отражении свои разлохмаченные волосы, усыпанный веснушками нос и растрепанный взгляд.

— Ну и ведьма, — буркнула она, на ходу приглаживая непослушные пряди.

Помогло мало. Уже на ступенях в переходе сквозняк снова навёл на её голове собственный порядок. Но прихорашиваться времени не было. Если не забудет, причешется перед экзаменом.

Дана почти бегом добралась до нужного дома, влетела в подъезд и поднялась на второй этаж, перепрыгивая через ступеньку. Когда она нажимала на кнопку звонка, дыхание сбилось, а футболка прилипла к спине.

Дребезжание было таким громким, что наверняка его слышали все соседи.

Тётя Предслава открыла столь быстро, будто всё это время стояла за дверью.

— Угорела? Проходи. В кухне холодная вода с лимоном, — вместо приветствия сказала она.

Дана окинула её взглядом, но даже в электрическом свете тесной прихожей тётка показалась ей абсолютно здоровой, ничуть не похожей на человека при смерти.

Предслава выглядела в точности как всегда. Она была невысокой круглолицей пожилой дамой с большими серыми глазами, как у самой Даны, и веснуш-

ками на морщинистых щеках и руках. Её вьющиеся седые волосы, подстриженные до середины шеи, пребывали в беспорядке, который удерживал от полного хаоса лишь широкий малахитово-зелёный ободок из бархата. Тётя носила круглые очки и множество украшений, как какая-нибудь сорока: от количества перстней, браслетов и кулонов рябило в глазах. Эти побрякушки странно сочетались с длинными ногтями, аккуратно покрытыми серебристым лаком с блёстками. Её наряды казались не менее эксцентричными. Даже сегодня поверх коричневого винтажного платья в белый горох она надела пёстрый полосатый кардиган с большущими карманами. Фигура у тётки была плотная, но не толстая, и всё же при ходьбе она громко шаркала своими тяжёлыми тапками, будто двигаться ей было не так-то просто.

Тётя всегда была такой — слегка эпатажной, жизнерадостной и резкой в своих высказываниях. Словно боялась не успеть озвучить какую-то мысль или надеть очередное кольцо.

Квартира выглядела полнейшим отражением своей хозяйки: сплошь ковры (даже на стенах, чего Дана не выносила), антиквариат и винтаж. В таких количествах, что впору музей открывать. Ни одной новенькой вещицы, если не считать телефона и бытовой техники. Телевизор Предслава не смотрела принципиально. Зато накопила приличную библиотеку в гостиной, куда по дороге в кухню Дана как бы ненароком заглянула.

Всё выглядело как обычно. Даже пахло неизменными травяными благовониями и старой бумагой.

И всё же Дану не покидало навязчивое чувство тревоги. Словно кто-то стоял позади неё в очереди к банкомату и назойливо дышал в затылок.

На старом круглом столе, накрытом рыжей плюшевой скатертью с розами, лежали салфетки из клеёнки, а на одной из них дожидался запотевший кувшин с водой и долька лимона и гранёный стакан в серебряном подстаканнике, полный почти до краёв.

Дана поблагодарила тётю и залпом осушила его. На последних глотках она поймала на себе изучающий, задумчивый взгляд Предславы и вопросительно вскинула брови.

— У тебя всё хорошо? — Дана поставила стакан.

Тётка протянула к ней руку, чтобы погладить по голове. Она как бы невзначай коснулась розовых прядей, которые выглядывали из массы светлых локонов, отросших уже до плеч, — символа её затянувшегося подросткового бунта против родительской опеки.

— Ты так похожа на меня. И с каждым годом всё больше.

В последнем Дана сильно сомневалась. Она одевалась достаточно обычно, а из украшений носила только серьги-колечки и золотую цепочку с кулоном-звёздочкой — подарок матери. Однако разубеждать тётю не стала. Думала спросить, зачем Предслава вообще её столь срочно позвала, но не успела и рта открыть.

— Не нужно было слушать твоего отца и отпускать тебя так далеко и так надолго. — Тётя поморщилась и судорожно вдохнула. — Столько времени упущено. Но поздно уже плакать. Напилась? Ступай за мной.

Они прошли в гостиную, где через распахнутую настежь балконную дверь в квартиру рвался уличный шум. Лёгкий ветерок парусом раздувал белый тюль.

Дана прошла к дивану, застеленному пледом с бахромой. Села на край перед лакированным журнальным столиком, на котором в беспорядке лежали зеркала всех форм и размеров, а между ними — рассыпанные игральные карты и разноцветные круглые камушки, похожие на морскую гальку, с нарисованными на них золотой краской символами. Вероятно, тётушка ударилась в эзотерику на старости лет.

Поверх всего этого стояло блюдо с пирожками.

— А где Витан? — Дана поискала взглядом рыжего кота с вечно недовольной мордой.

— Гуляет. — Предслава села рядом, повернувшись к племяннице вполоборота. — Угощайся. Вишнёвые. Твои любимые. — Она прищурилась и кивнула на сумку с конспектами, которую девушка прислонила к дивану у своих ног. — Как дела в университете, студентка моя ненаглядная? Уже все экзамены сдала на «отлично»?

Дана взяла с блюда пирожок, ещё тёплый и сладко пахнущий сдобой. Она сильно сомневалась, что при всех своих причудах тётка вызвала её просто ради того, чтобы угостить выпечкой.

— Ага. Все. Даже тот, который прям вот сегодня, — ответила Дана, покусывая нижнюю губу, и посмотрела на большие часы с кукушкой, которые ей всегда нравились. — Через час.

Тётка поцокала языком.

— Ой, да что ты говоришь. То-то я смотрю, лицо у тебя сегодня особенно счастливое.

— Тёть, ладно тебе. Просто я немного волнуюсь. Вот и всё.

Чтобы не сболтнуть лишнего, она откусила от пирожка и едва не закатила глаза от удовольствия, ко-

гда тёплая, мягкая вишня в густом сиропе с нежнейшим тестом оказались на языке.

— Немного? Девочка моя, ты сейчас так нервничаешь, что у меня кактусы съёживаются.

Дана понимала, что Предслава шутит в своей манере, но ничего с собой не смогла поделать и бросила взгляд на кактусы в горшках на подоконнике. Вроде ничего необычного.

— Просто... Если честно... — Она вздохнула, глядя на надкушенный пирожок так сосредоточенно, словно собиралась исповедоваться начинке, а не признаться тётё в своих сомнениях. — Папа так гордился, когда я поступила. «Экономист — это, Даночка, перспективно!» — Дана изобразила басовитый голос отца, а потом тяжело вздохнула. — А я... я чувствую себя жуликом. — Она сжала пирожок так сильно, что жидкий сироп едва не брызнул ей в лицо. — Как будто чужое место украла.

Она откусила. От вишнёвой сладости во рту словно полегчало. Даже поджилки тряслись меньше.

— Жулик! — Предслава фыркнула. — Дорогая моя, жулики всегда знают, что и зачем они воруют. А ты у меня... — Она смежила веки, изучая поникшую племянницу. — Ты понимаешь, для чего стараешься?

Дана виновато улыбнулась и пожала плечами. Щёки мучительно покраснели, наверное, от духоты.

— Не знаю. Я не специально, тётъ. — Она снова помяла в руке румяный пирожок и добавила тише: — Просто я учу, сижу часами над графиками и формулами, одно и то же перечитываю по пять раз, а в голове всё равно пустота.

— А ты уверена, что читаешь нужную книгу? — Голос Предславы прозвучал неожиданно мягко.

— Ты о чём?

— Да так. — Тётя ухмыльнулась.

— Я себя глупой чувствую. А когда думаю, что учусь на одном упрямстве и вот-вот вылечу с треском, мне кажется, что я подвожу папу.

Чтобы не расстроиться окончательно, она засунула остаток пирожка в рот целиком и принялась медленно жевать.

Тётка протянула морщинистую руку и успокаивающе погладила Дану по плечу.

— А ты спросила у папы, что для него важнее? Его гордость за твою солидную специальность или его дочь, которая не спит ночами, чтобы вызубрить то, что ей не даётся, потому что боится его разочаровать?

Дана вздрогнула и уставилась на тётю. Она никогда не рассказывала Предславе об этом. Наверное, та просто догадалась. Так ведь все студенты живут. Разве нет?

— Отец твой, Богданушка, добрый дурак. Недавно он у нас Иван. — Тётя усмехнулась с ласковым превосходством старшей сестры. — Он для тебя хочет лучшего, как он это понимает. Не понимает только, что это лучшее — у каждого своё. Я, к примеру, лучшим для себя считаю пирожок с вишней и право сказать глупому человеку, что он глупый. А ты, моя девонька, вовсе не глупа.

Девушка ответила ей растерянной улыбкой.

— Не все могут как ты, тётя. — Она многозначительно обвела жестом комнату, полную старых красивых вещей и нерассказанных историй. — Жить, как им захочется.

Она ждала, что тётя Предслава разубедит её и скажет, что жить, как захочется, может совершен-

но любой человек, надо только решиться. Но вместо этого она посмотрела на часы, нахмурилась и покачала головой. Будто соглашалась в чём-то сама с собой.

— Да. Пожалуй, так будет вернее для нас обеих, — едва слышно произнесла она, а потом повернулась к племяннице и сказала: — Пора тебе, Богданка, принять то, кто ты есть, а не гнаться за чужими ожиданиями. Прости меня, что раньше этого не поняла.

С этими словами Предслава принялась шарить в кармане кардигана и выудила оттуда потёртый латунный брелок в виде упитанного кота.

— На, деточка, возьми. Твоё теперь. Ты со всем разберёшься, будь спокойна. — Она странно улыбнулась и протянула брелок Дане.

Девушка осторожно взяла у неё вещицу. Брелок был тёплым. Прикосновение к металлу вызвало странное покалывание в пальцах. Съеденный пирожок вдруг показался ей в разы вкуснее, а тревога отступила на второй план.

— Что это?

Дана часто заморгала.

— Считаю, что это амулет против... ну, против бестолковых страхов, вроде «я жулик» или «папа меня разлюбит». Против плохой оценки он тоже сработает. Или нет? — Она тяжело вздохнула и коснулась шеи между ключицами. — Жизнь — штука интересная. Ты, главное, не бойся свернуть не туда. Иногда самая причудливая дорога оказывается наиболее верной.

— Спасибо, тётъ. — Дана сжала брелок в кулаке. — Правда, спасибо.

Она потянулась к Предславе и чмокнула её в щёку.

Может, тётка и была сумасшедшей, как считал отец, но сегодня её слова прозвучали очень кстати.

— Ты так волшебной улыбаешься, Богданушка. Теперь мои кактусы снова зацветут, вот увидишь. В следующий раз, когда мы встретимся, я обязательно расскажу тебе больше. — Предслава снова коснулась ключиц, мелодично зазвенев браслетами. Нахмурилась. — Или нет. Посмотрим.

Девушка ожидала услышать что-то ещё, но не прозвучало даже предложения съесть второй пирожок. Вместо этого Предслава вновь глянула на часы и коротко заметила:

— Тебе пора.

— Ох! — Дана вскочила с места, подхватывая сумку. — Я же опаздываю! Спасибо, тёт! Рада была к тебе заглянуть. Позвоню, когда выйду с экзамена, хорошо?

— Забудешь.

— Не забуду. Слово даю.

— Ну добро.

Уже в дверях Предслава крепко обняла Дану и шепнула что-то на удачу. Неразборчивое благословение, которому та была рада, даже не понимая слов. Они попрощались. Дана убежала, всё так же в спешке, которую негласно задаёт столичный бурлящий ритм.

Она успела. Влетела в аудиторию в числе опаздывающих. Заняла свободное место с краю — ужасно неудобное, списать просто нереально. Но ей было всё равно. Дверь закрыли, начали зачитывать списки и отмечать присутствующих. В груди неприятно заныло. Наверное, от волнения. Чтобы унять это ощущение, Дана нащупала в кармане джинсов тёплый латунный брелок-котика и погладила смешные растопыренные лапки.

